

Научная статья

УДК 343

doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-120-126

Вилли Андреевич Маслов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-5539-5220>, vmaslov-lex@yandex.ru

Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Криминологическая обоснованность внесения изменений в уголовный закон: использование статистики и роль средств массовой информации

Аннотация: **Введение.** Фундаментом стратегической деятельности государства по борьбе с преступностью (уголовной политики) выступает совокупность исходных данных криминологического и социального характера, объективность (соответствие истине) которых зачастую справедливо подвергается сомнению, в связи с чем не теряют своей актуальности вопросы поиска и выбора источников формирования уголовной политики в целях достижения требования криминологической обоснованности. **Методы.** В основе методологии исследования диалектический материализм, применяемые общенаучные (системно-структурный и формально-логический, индуктивный и дедуктивный, анализ и синтез) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. **Результаты.** Несмотря на то, что масштабы криминологически значимой информации достаточно велики, препятствием на пути формирования криминологически обоснованной уголовной политики является отсутствие необходимого объема объективных данных о преступности. Признавая, что сами по себе те или иные показатели необходимо правильно интерпретировать (в том числе во взаимосвязи и взаимообусловленности), можно утверждать, что для корректного криминологического прогнозирования необходима соответствующая методологическая основа, недвусмысленно указывающая на то, каким образом необходимо обрабатывать значимую для борьбы с преступностью информацию. Признавая проблему латентности преступности, стоит подчеркнуть необходимость поиска инструментов объективизации данных о преступности. В частности, стоит обратить внимание на перспективность комплексного подхода к анализу криминальных явлений, включающего как минимум «перекрестные сверки» данных различных органов государственной власти и негосударственных структур (при условии уверенности в объективности представляемых ими сведений). При внесении изменений в уголовный закон признается обоснованным использование данных официальной статистики в качестве базового источника информации. Особую значимость приобретает вопрос поиска альтернативных источников информации, каковыми в настоящее время все чаще называют социальные ожидания.

Ключевые слова: уголовная политика, формирование уголовной политики, уголовно-правовая политика, криминологическая обоснованность, официальная статистика, латентность преступности, средства массовой информации

Для цитирования: Маслов В. А. Криминологическая обоснованность внесения изменений в уголовный закон: использование статистики и роль средств массовой информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 120–126; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-120-126.

Willie A. Maslov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-5539-5220>, vmaslov-lex@yandex.ru

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepin str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

Criminological validity of amendments to the criminal law: the use of statistics and the role of the media

Abstract: Introduction. The foundation of the state's strategic activity in the fight against crime (criminal policy) is a set of initial data of a criminological and social nature, the objectivity (compliance with the truth) of which is often rightly questioned, and therefore the issues of searching and selecting sources for the formation of criminal policy in order to achieving the requirement of criminological validity. **Methods.** In work based on the dialectical-materialistic method of scientific knowledge, the legal-dogmatic method, formal-logical and systemic methods are used. **Results.** Despite the fact that the scale of criminologically significant information is quite large, an obstacle to the formation of a criminologically based criminal policy is the lack of the required volume of objective data on crime. Recognizing that certain indicators themselves must be correctly interpreted (including in their interrelation and interdependence), it can be argued that correct criminological forecasting requires an appropriate methodological basis that clearly indicates how it is necessary to process what is significant for the fight against crime information. Recognizing the problem of crime latency, it is worth emphasizing the need to find tools for objectifying crime data. In particular, it is worth paying attention to the promise of an integrated approach to the analysis of criminal phenomena, including, at a minimum, "cross-reconciliation" of data from various government bodies and non-state structures (subject to confidence in the objectivity of the information they provide). When making changes to the criminal law, the use of official statistics as a basic source of information is recognized as justified. Of particular importance is the issue of searching for alternative sources of information, which are now increasingly referred to as social expectations.

Keywords: criminal policy, formation of criminal policy, criminal law policy, criminological validity, official statistics, crime latency, media

For citation: Maslov W. A. Criminological validity of amendments to the criminal law: the use of statistics and the role of the media // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 1 (101). – P. 120–126; doi: 10.35750/2071-8284-2024-1-120-126.

Введение

Уголовная политика, под которой мы понимаем стратегическую деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности, с очевидностью должна базироваться на достоверной информации криминологического и социального характера.

Аргументировать сказанное можно в том числе и тем, что в научной среде распространена точка зрения, согласно которой среди принципов уголовной политики выделяют «социальную и научную обоснованность» [1, с. 46], «научную обоснованность и целесообразность» [2, с. 647].

При этом Ю. Е. Пудовочкин отмечает, что особое внимание необходимо уделять научности уголовной политики, означающей «криминологическую обоснованность принимаемых законов и осуществление уголовной политики ... в соответствии с новейшими достижениями наук криминального и психолого-педагогического циклов»¹. В свою очередь Ю. В. Недотко говорит о том, что «эффективность уголовно-правовой политики прямо обусловлена логичностью, обоснованностью и востребованностью законотворческой деятельности государственной власти, направленной на борьбу с преступностью»².

С учетом содержательной многогранности уголовной политики и ограниченности объемов публикации видится обоснованным обратиться к вопросам поиска и выбора источников формирования уголовно-правовой политики как одной из составляющих политики уголовной в целях достижения требования криминологической обоснованности.

¹ Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 22.

² Недотко Ю. В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – С. 7.

Методы

В работе на основе диалектико-материалистического метода научного познания используются юридико-догматический метод, формально-логический и системный методы.

Результаты

Анализ криминологической и уголовно-правовой ситуации в современной России и оценку политико-правовых аспектов реформы уголовного законодательства называет необходимым элементом формирования уголовной политики Г. Ю. Лесников³, отмечая, что «уголовную политику следует считать максимально эффективной, когда уголовное (материальное, процессуальное, исполнительное) законодательство и практика его применения в борьбе с преступностью в наибольшей мере соответствуют объективным закономерностям развития общества и всей совокупности общественных отношений, обеспечивают приемлемый уровень общественной безопасности в соответствующей сфере»⁴.

Вместе с тем ответ на вопрос соответствия проводимой уголовной политики объективным закономерностям развития общества не представляется возможным дать, не подвергнув анализу аспекты соответствия «криминальным вызовам и социальным ожиданиям» [3, с. 109].

Соответствие объективным закономерностям развития общества, криминальным вызовам и социальным ожиданиям в «отсутствии репрезентативной криминологической базы для нововведений в УК РФ» [4, с. 30] признается как минимум в части уголовно-правовой политики достаточно труднодостижимой целью.

Раскрывая содержание криминологической обоснованности как требования при внесении изменений в уголовное законодательство, Э. Ф. Побегайло указывает на необходимость тщательного учета выявленных и прогнозируемых тенденций преступности, ее структуры, новых ее видов, контингента преступников, отмечая, что «уголовная политика любого государства должна основываться на четком понимании того, каких изменений в структуре и динамике преступности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие нормы и институты» [5, с. 48].

Поддерживая указанную точку зрения, отметим, что данный прогностический подход с очевидностью необходим, особенно с учетом динамичности современных общественных отношений, существенно меняющих криминологическую картину как отечественного, так и международного общества. Однозначное понимание цели вносимых изменений в уголовный закон как неотъемлемая составляющая уголовно-правовой политики существенно еще и постольку, поскольку позволяет в дальнейшем проанализировать реализацию принятых решений с учетом заявленных целей, при необходимости – рассмотреть вопрос о корректировке либо признать изменения опрометчивыми.

Соглашаясь с тезисом, что «процессу законотворчества объективно необходима качественная прогностическая информация, сбор и формирование которой в нынешних условиях можно обеспечить, причем в различных объемах и под конкретные задачи» [6, с. 75], отметим, что ряд ученых рассматривают проблемы с реализацией данного требования. В частности, В. В. Лунеев считает, что «...мы не имеем сколько-нибудь полных и надежных, и конкретных данных о криминологической обстановке в мире, стране, регионе и т. д. Между реальными криминологическими данными и регистрируемой преступностью существует давняя системная пропасть, обусловленная политическими, экономическими, социальными, организационными, правовыми, идеологическими и психологическими проблемами страны...» [7, с. 48], «реальный уровень преступности МВД не известен... Публикуемые Генеральной прокуратурой РФ статданные отрывочны, разрозненны, малопригодны для глубокого анализа» [8, с. 20]. Полагаем, что можно выделить несколько составляющих обозначенной автором проблемы.

Во-первых, в действительности объемы криминологически значимой информации достаточно велики, при этом важно понимать, что представляет существенную сложность реализация задачи корректной интерпретации. Динамика, демонстрирующая рост того или иного вида преступности в отдельно взятом регионе на протяжении определенного времени, может быть детерминирована массой разнородных факторов, среди которых необходимо стремиться выделить существенные и исключить второстепенные и незначимые.

Во-вторых, исследованию тех или иных показателей преступности и дальнейшей выработке стратегических мер борьбы с преступностью препятствует известное всем качество

³ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 11.

⁴ Лесников Г. Ю. Указ. соч. – С. 32.

латентности, под которой авторы понимают «часть фактически совершенных преступлений, не нашедшую отражения в официальной статистике, либо отраженную ненадлежащим образом, что влечет искажение представления об истинных масштабах и (или) характере преступности или отдельных видов (групп) преступлений» [9, с. 37]. Иллюстрацией указанной проблемы является, к примеру, исследование А. Л. Репецкой, результатом которого выступило утверждение, что регистрируется лишь каждое пятое убийство (2014–2017 гг.) [10, с. 66].

В. В. Лунеев, приводя данные о том, что реальная преступность превышает официально зарегистрированную в 3–5 раз, отмечает, что для ее выявления применяются социологические, статистические и аналитические методики [11, с. 45]. Ряд авторов говорит об эффективности использования оперативно-розыскных сил при выявлении скрытых преступлений, особенно в экономической сфере [12, с. 116].

В-третьих, даже если представить себе «идеальную» ситуацию, что нам доподлинно известны объемы преступности и понятен причинный комплекс, следующий вопрос на который следует найти ответ – каковы реальные возможности воздействия государства на сложившуюся ситуацию. Вопрос о соотношении затрачиваемых на правоохранительную деятельность ресурсов и ожидаемого результата, несомненно, является одним из ключевых.

В то же время, даже говоря об официальной статистике, ученые отмечают, что «динамика преступности характеризуется возвышением её количественных и качественных показателей, астрономическим значением численных величин, резким ростом удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений, приоритетом роста преступлений в сфере экономики и насильственных преступлений. Она является существенным критерием, отражающим масштабы, социальные последствия, причины преступности и направления их устранения. Но она не определяющий показатель эффективности уголовной политики»⁵.

Стоит отметить и мнение М. М. Бабаева, согласно которому «феномен неопределенности, производный от недостатка информации или неправильной ее оценки, рождает массу сложнейших проблем в области формирования и применения уголовного и уголовно-исполнительного права» [13, с. 14].

В действительности говорить о том, что цифры, характеризующие криминальное состояние общества, стоит воспринимать как результат деятельности государства в части борьбы с преступностью, и лишь на этом основании судить об эффективности уголовной политики, не представляется возможным. Дело здесь не столько в указанной чуть ранее латентности, хотя данное обстоятельство и играет существенную роль, сколько в том, что конечная цель уголовной политики не борьба с преступностью, а охрана прав и свобод человека и гражданина, и общественный правопорядок. М. М. Бабаев верно видит проблему использования статистики в том, что она используется «в качестве базового (а порой и единственного) обоснования важных управленческих решений и в целом реализуемого государством уголовно-политического курса» [14, с. 37].

В статистике, воспринимаемой подчас как единственно верный базис формирования уголовной политики и наиболее показательный критерий ее эффективности, интерес представляет ведомственная отчетность как структурный элемент государственной статистики.

Отметим, что в научной среде нередки критические высказывания по данному вопросу. К примеру, Ю. Е. Пудовочкин отмечает, что в сложившейся в настоящее время ситуации «возникает возможность менять показатели эффективности уголовной политики, подменяя оценку реального состояния преступности оценкой факта выполнения всех установленных процедур и требований, рассчитанных на предотвращение преступлений, независимо от результата» [15, с. 87]. И. Н. Соловьев говорит о том, что «правоохранительные органы отчитываются теми цифрами материального ущерба, которые официально проходят в материалах уголовных дел, направляемых в суд», в то же время отмечая, что «суммы, поступившие в бюджет после вступления приговора в законную силу, в 4–5 раз меньше сумм, фигурировавших в обвинительном заключении»⁶.

Г. Ю. Лесников верно подмечает, что «ориентация на отчетность, а не на реальные результаты» приводит к снижению эффективности деятельности государства⁷.

Среди ученых существует мнение, что неуместно считать главным показателем деятельности правоохранительных органов количество дел, направленных в суд, производ-

⁵ Гревцов О. В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 182 с.

⁶ Соловьев И. Н. Реализация уголовной политики России в сфере налоговых преступлений: проблемы и перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2004. – С. 20.

⁷ Лесников Г. Ю. Указ. соч. – С. 42.

ство по которым оканчивается постановлением обвинительного приговора. К примеру, О. А. Малышева говорит о необходимости пересмотра подходов оценки деятельности правоохранительных органов, предлагая в качестве критериев оценку соблюдения законности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, количество и качество расследуемых эпизодов, количество подозреваемых, обвиняемых, проходящих по уголовному делу, количество дел, возвращенных прокурором ввиду нарушения норм материального или процессуального уголовного права, а также соблюдение срока расследования преступления⁸.

Стоит подчеркнуть, что препятствием на пути формирования криминологически обоснованной уголовно-правовой политики является отсутствие необходимого объема объективных данных о преступности. Недостатки официальной отчетности и латентность преступности обуславливают необходимость поиска альтернативных источников, позволяющих обеспечить чуть большую криминологическую состоятельность и социальную обусловленность вносимых в уголовный закон изменений, каковыми в настоящее время все чаще называют социальные ожидания.

Говоря о данной составляющей при формировании уголовной политики, стоит констатировать ключевую роль средств массовой информации, которые, как справедливо считают ученые, «приобрели исключительное значение не только в информировании своих зрителей, читателей, слушателей, но и в навязывании им тех или иных оценок, идеалов, представлений, т. е. в манипулировании общественным мнением» [16, с. 75].

К примеру, Г. Ю. Лесников одним из факторов, создающих повышенное состояние тревожности у населения, считает «типичное для регионов России явление информационной напряженности, т. е. создаваемую средствами массовой информации гиперболизированную картину преступности в общественном сознании – позиция власти (оценка и высказывания о необходимости реформирования)»⁹. Особую тревогу вызывает факт, что треть опрошенных из числа молодежи признают неадекватность информации о деятельности полиции, отражаемой средствами массовой информации [17, с. 197].

С учетом человеческой психологии и в условиях рыночной экономики средства массовой информации все больше отдают предпочтение «сенсационным», «провокационным» и т. п. новостям, среди которых особое место занимают новости о преступлениях. Таким образом, создается так называемая «гиперболизированная картина преступности в общественном сознании», что, как верно отмечает Г. Ю. Лесников, объективно приводит к ожиданию населением «адекватного усиления уголовной репрессии со стороны государства» [6, с. 75].

Отдельного внимания в свете изложенного заслуживают исследования, направленные на решение принципиального вопроса – свободы средств массовой информации, поднимаемого в последнее время ввиду законодательных корректировок Закона РФ «О средствах массовой информации». В данном случае стоит поддержать исследователей, утверждающих, что свобода средств массовой информации не может быть абсолютной [18, с. 127].

При этом необходимо понимать и то, что в ряде случаев представления населения относительно уголовной политики (в том числе о необходимости корректировок законодательства) могут идти вразрез с криминологическими учениями. Пожалуй, самый наглядный пример – точка зрения граждан, согласно которой чем более суровое наказание применяется к правонарушителю, тем более оно действенно.

Таким образом возможна ситуация, когда государство усиливает репрессивный потенциал уголовного закона, корректируя его нормы посредством криминализации деяний, общественная опасность которых дискуссионна, увеличивая размеры наказаний в санкциях норм, вводя дополнительные квалифицирующие признаки, новые виды отягчающих ответственность обстоятельств и т. д., в первую очередь для создания в обществе ощущения безопасности.

Вместе с тем стоит отметить и положительную составляющую в вопросах влияния резонансных событий на уголовную политику. К примеру небезызвестные события придания огласке фактов применения насилия к осужденным в Областной туберкулезной больнице № 1 Управления ФСИН России по Саратовской области в 2021 году повлекли за собой целый ряд законодательных инициатив, одна из которых (авторства сенаторов Российской Федерации А. А. Клишаса, В. В. Полетаева и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации П. В. Крашенинникова) скорректировала ряд норм уголовного закона¹⁰. В контексте рассматриваемого вопроса положительным является не толь-

⁸ Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2006. – 519 с.

⁹ Лесников Г. Ю. Указ. соч. – С. 20.

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ // Российская газета. – 2022. – № 159.

ко то, что порочная практика (по крайней мере, в указанном исправительном учреждении) была прекращена и лица, совершившие данные деяния, понесут заслуженное наказание, а то, что было устранено правовое несоответствие понимания «пытки» в отечественном праве и международном законодательстве.

Заключение

Объемы криминологически значимой информации достаточно велики, при этом важно понимать, что реализация задачи её корректной интерпретации представляет существенную сложность. Динамика, демонстрирующая рост того или иного вида преступности в отдельно взятом регионе на протяжении определенного времени, может быть детерминирована массой разнородных факторов, среди которых необходимо выделить существенные и исключить второстепенные и незначимые. Представляется, что для корректного криминологического прогнозирования необходима соответствующая методологическая основа, недвусмысленно показывающая, каким образом необходимо обрабатывать значимую для борьбы с преступностью информацию.

Препятствием на пути формирования криминологически обоснованной уголовной политики является отсутствие необходимого объема объективных данных о преступности. Признавая проблему латентности преступности, стоит подчеркнуть необходимость поиска инструментов объективизации данных о преступности. В частности, стоит обратить внимание на перспективность комплексного подхода к анализу криминальных явлений, включающего как минимум «перекрестные сверки» данных различных органов государственной власти и негосударственных структур (при условии уверенности в объективности представляемых ими сведений).

При внесении изменений в уголовный закон признается обоснованным использование данных официальной статистики в качестве базового источника информации. Особую значимость приобретает вопрос поиска альтернативных источников информации, каковыми в настоящее время все чаще называют социальные ожидания.

Список литературы

1. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
2. Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 4. – С. 641–650; doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).641-650.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Концентрация репрессии как принцип уголовной политики // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 109–115.
4. Бойко А. И. Диалектика стабильности и изменчивости уголовного закона // Вопросы правовой теории и практики : сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Векленко. – Омск: Омская академия МВД России, – 2017. – Вып. 12. – С. 24–31.
5. Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики // Публичное и частное право. – 2011. – № 4. – С. 47–66.
6. Лесников Г. Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости. – 2008. – № 8. – С. 73–76.
7. Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог : журнал о праве. – 2014. – Т. 2. – № 4. – С. 45–52.
8. Лунеев В. В. О криминолого-аналитическом и системном подходе к законотворчеству // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 4. – С. 14–25.
9. Баранов А. А., Денисов Н. Л. Латентность преступлений и влияние на нее уголовной политики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 35–37.
10. Репецкая А. Л. Убийства в России: методика определения латентного массива // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 55–68; doi: 10.17223/22253513/32/5.
11. Лунеев В. В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – № 3. – С. 41–49.
12. Иванов П. И., Шегабудинов Р. Ш. Экономическая и коррупционная преступность и ее латентность как объект криминологического изучения // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 111–120.
13. Бабаев М. М. Неопределенность и проблемы правоприменения // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 12–19.
14. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 35–45.

15. Пудовочкин Ю. Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 82–91.
16. Лесников Г. Ю. Полиномативность уголовной политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 2. – С. 72–78.
17. Гайдай М. К., Грозин С. Ю. Роль СМИ в оценке деятельности полиции // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 3. – С. 195–198.
18. Речков М. П. К вопросу о правовых ограничениях свободы российских средств массовой информации // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – № 2. – С. 127–138; doi: 10/17150/2308-6203.2015.4(2).127-138.

References

1. Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika. – Moskva: Volters Kluver, 2009. – 579 s.
2. Endol'tseva A. V., Endol'tseva Yu. V., Platonova N. I. Bazovye nachala ugolovnoi politiki: ot teoreticheskikh rassuzhdenii k de lege ferenda // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – Т. 13. – № 4. – С. 641–650; doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).641-650.
3. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Kontsentratsiya repressii kak printsip ugolovnoi politiki // Ugolovnoe pravo. – 2010. – №4. – С. 109–115.
4. Boiko A. I. Dialektika stabil'nosti i izmenchivosti ugolovnogo zakona // Voprosy pravovoi teorii i praktiki: sb. nauch. tr. / otv. red. V. V. Veklenko. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. – 2017. – Вып. 12. – С. 24–31.
5. Pobegailo E. F. Tendentsii sovremennoi prestupnosti i krizis rossiiskoi ugolovnoi politiki // Publichnoe i chastnoe pravo. – 2011. – № 4. – С. 47–66.
6. Lesnikov G. Yu. Problemy sootnosheniya ugolovnoi politiki i ugolovnogo prava // Nauchnye vedomosti. – 2008. – № 8. – С. 73–76.
7. Luneev V. V. Sootnoshenie kriminal'nykh realii s teoriei prava v Rossii // Prolog: zhurnal o prave. – 2014. – Т. 2. – № 4. – С. 45–52.
8. Luneev V. V. О криминолого-аналитическом и системном подходе к законотворчеству // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 4. – С. 14–25.
9. Baranov A. A., Denisov N. L. Latentnost' prestuplenii i vliyanie na nee ugolovnoi politiki // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 4. – С. 35–37.
10. Repetskaya A. L. Ubiistva v Rossii: metodika opredeleniya latentnogo massiva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2019. – № 32. – С. 55–68; doi: 10.17223/22253513/32/5.
11. Luneev V. V. Latentnoi kriminal'nosti neobkhodim sistemnyi monitoring». Vestnik Akademii general'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii. – 2010. – № 3. – С. 41–49.
12. Ivanov P. I., Shegabudinov R.Sh. Ekonomicheskaya i korrupsionnaya prestupnost' i ee latentnost' kak ob'ekt kriminologicheskogo izucheniya // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2017. – № 3. – С. 111–120.
13. Babaev M. M. Neopredelennost' i problemy pravoprimeneniya // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 12–19.
14. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Izmeneniya rossiiskogo ugolovnogo zakona i ikh ugolovno-politicheskaya otsenka // Gosudarstvo i pravo. – 2012. – № 8. – С. 35–45.
15. Pudovochkin Yu. E. Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya rossiiskoi ugolovnoi politiki v usloviyakh globalizatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2017. – № 3. – С. 82–91.
16. Lesnikov G. Yu. Polinormativnost' ugolovnoi politiki // Uchenye trudy Rossiiskoi Akademii advokatury i notariata. – 2009. – № 2. – С. 72–78.
17. Gaidai M. K., Grozin S. Yu. Rol' SMI v otsenke deyatelnosti politsii // Yurist'-Pravoved'. – 2020. – № 3. – С. 195–198.
18. Rechkov M. P. K voprosu o pravovykh ogranicheniyakh svobody rossiiskikh sredstv massovoi informatsii // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2015. – № 2. – С. 127–138; doi: 10/17150/2308-6203.2015.4(2).127-138.

Статья поступила в редакцию 11.10.2023; одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted October 10, 2023; approved after reviewing December 14, 2023; accepted for publication February 21, 2024.